

Анюта в деревне у дедушки. Зима

Артем Новых

Артем НОВЫХ

Анюта в деревне у дедушки. Зима

«Автор»

2026

Новых А.

Анюта в деревне у дедушки. Зима / А. Новых — «Автор», 2026

Анюта в деревне у дедушки. Зимняя сказка в Ольховке Двадцать девятое декабря. Анюта возвращается в заснеженную Ольховку, где дым из труб уходит в самое небо, а мороз рисует на окнах карты неведомых стран. Впереди — самые волшебные каникулы в году, наполненные запахом брусничных пирогов, треском дров в печи и сиянием новогодних свечей. Но зима в деревне — это не только праздники, это ещё и время суровых испытаний. Вместе с «Клубом Четырёх Колёс» Анюте предстоит столкнуться с настоящей стихией: Как встретить Новый год, если во всей деревне гаснет свет? (На помощь придут находки с чердака и старинный патефон). Кто спасёт козу Марту и кур в тридцатиградусный мороз? (Анюта берет ответственность за «тёплый хлев» на себя). Чьи таинственные следы ведут к старому оврагу? (Последнее рождественское приключение и встреча с лесным великаном).

© Новых А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Зима	5
Пломбир на снегу и школьный спектакль	5
Экспедиция на чердак и время тишины	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анюта в деревне у дедушки. Зима

Зима

Пломбир на снегу и школьный спектакль

Двадцать девятое декабря в Ольховке началось с ослепительного, почти звенящего безмолвия. Когда машина папы Сергея медленно преодолела последний заснеженный подъем, Анюта прильнула к стеклу. Деревня выглядела так, будто её нарисовали белой гуашью на фоне густо-синего вечернего неба. Снег лежал на крышах домов пышными, тяжелыми шапками, а из каждой трубы ввысь уходил ровный, вертикальный столб дыма — верный знак того, что на улице крепко подморозило.

— Ну, вот мы и дома, — улыбнулась мама Елена, поворачиваясь к дочке. — Готова к настоящей зиме?

— Готова! — выдохнула Анюта, натягивая варежки еще до того, как папа заглушил мотор.

Едва калитка скрипнула, на крыльцо вышел дедушка Анатолий Петрович в своем неизменном тулупе, а следом выбежала бабушка Людмила, кутаясь в пуховый платок. Собака Жулька, обезумев от радости, носилась вокруг машины, вздымая облака снежной пыли, а кот Васька чинно наблюдал за суетой с подоконника, лишь изредка поводя ухом.

Вечером веранду натопили до жаркого, древесного тепла. Это был первый семейный ужин зимних каникул — самый уютный и долгожданный. В центре стола на почетном месте красовался привезенный из города торт-мороженое «Пломбир». Папа Сергей с гордостью рассказывал, как бережно вез его в специальной термосумке через все пробки. Рядом с холодным городским гостем возвышалась горячая гора бабушкиных пирогов с брусникой и яблоками, а большой самовар на углях утробно гудел, выпуская струйки пара.

— Ну, Анюта, — дедушка Анатолий Петрович разлил крепкий чай по кружкам. — Рассказывай нам, сельским жителям, чем нынче городские третьеклассники занимаются? Как четверть закрыла?

— Учиться было легко, дедушка, — Анюта отломил кусочек торта, который удивительно вкусно сочетался с горячим чаем. — Но вот последние три дня... Это была настоящая битва! Мы ставили школьный спектакль к Новому году.

Все притихли, даже Васька перестал умываться и внимательно посмотрел на Анюту.

— Мне досталась роль Снежной Королевы, — начала Анюта, и её глаза заблестели. — Мама сшила мне потрясающий плащ из серебристой парчи, а из картона и страз мы сделали корону, которая сияла под лампами как настоящая. А Кая должен был играть мой одноклассник Стас. Вы его помните по осенним историям — он еще тот воображала.

— Ох уж этот Стас, — усмехнулся папа Сергей. — Опять что-то натворил?

— Конфликт разгорелся прямо перед выходом на сцену, — вздохнула Анюта. — Стас пришел в ужасном настроении. Оказалось, его мама перепутала пакеты и вместо нарядного костюма принца привезла его старые домашние штаны — застиранные, с большими серыми заплатками на коленях. Стас сел на стул в гримерке и заявил: «Я в этом позорище на сцену не выйду. Кай — богатый мальчик, а не оборванец. Спектакля не будет».

— И что же учительница? — встревожилась бабушка Людмила.

— Марина Петровна была на грани обморока! Лисички плакали, снежинки начали ссориться, а за занавесом уже шумели родители. Я посмотрела на Стаса и поняла: если я сейчас что-то не сделаю, праздника не будет у всего класса.

Анюта отпила чаю и продолжила:

— Я подошла к нему и сказала очень серьезно: «Слушай, Стас. Кай был обычным мальчиком, которого Королева забрала в ледяной замок. Считай, что в этих штанах ты уже пробыл у меня в плену сто лет! Заплатки — это следы от ледяных оков. Весь класс ждет, малыши из первого класса пришли на нас смотреть, а ты думаешь только о том, как выглядишь. Не будь эгоистом!».

— Строго ты его, — кивнул дедушка.

— Но это сработало! А потом я придумала: мы взяли мою запасную серебристую накидку, которую мама сшила «на всякий случай», и набросили ему на плечи, заколов большой брошкой. Заплатки на штанах стали казаться частью какого-то странного, таинственного наряда. Стас выпрямился, поверил в себя и сыграл так здорово, что нам в конце аплодировали стоя даже учителя из старших классов. Мы спасли спектакль!

Дедушка Анатолий Петрович довольно хлопнул ладонью по столу:

— Ай да внучка! Характер! Умеешь ты, Настенька, из лимона лимонад делать, а из плохих штанов — театральный шедевр.

Мама Елена обняла Анюту.

— Мы так гордились тобой в тот день. И сейчас гордимся.

Позже, когда чай закончился, а папа с дедушкой пошли проверять козу Марту в хлеву, Анюта достала из рюкзака свой новый зимний дневник. На его обложке была нарисована большая рельефная снежинка. Она села у окна, за которым в свете фонаря медленно падали крупные пушистые хлопья.

«29 декабря. Я снова в Ольховке», — написала она аккуратным почерком. — «В городе был спектакль, но здесь начинается настоящая сказка. Завтра придут Митька, Дашка и Лёнька. Нужно помочь бабушке с уборкой, но я чувствую, что эти каникулы будут особенными. Васька греет мне ноги, а в печке трещат дрова. Это лучшие любого театра».

Анюта закрыла дневник. Завтра начиналась большая подготовка к Новому году — с уборкой, чердачными тайнами и новыми встречами. Зима в деревне Ольховка официально вступила в свои права.

Конец.

Экспедиция на чердак и время тишины

Тридцатое декабря в Ольховке началось с того, что дедушка Анатолий Петрович по привычке громко загремел заслонкой печи в шесть утра. Анюта проснулась под уютное потрескивание дров и запах свежесваренного иван-чая, который бабушка Людмила уже разливала по кружкам. Зимнее солнце еще не успело выглянуть из-за заснеженных холмов, и в доме царил таинственный полумрак, освещаемый лишь оранжевыми отблесками из печного зева.

— Сегодня у нас великий день, Настенька, — объявила бабушка Людмила, когда Анюта, кутаясь в теплый халат, появилась на кухне. — Перед Новым годом дом должен вздохнуть. Будем старые вещи перебирать, пыль веков вытряхивать. А то за год набралось столько всякого, что домовому скоро места не останется.

Мама Елена и папа Сергей, которые планировали провести в деревне еще пару дней, поддерживали идею. В Ольховке существовала традиция: перед праздником подниматься на чердак старого дома, чтобы достать коробку с елочными игрушками и заодно навести порядок среди вещей, которые хранились там десятилетиями.

Экспедиция началась сразу после завтрака. Папа Сергей установил тяжелую дубовую лестницу в сенях, и один за другим — сначала он сам, потом Анюта и мама — они поднялись в святая святых дома.

Чердак встретил их запахом сухого сена, пыли и старого дерева. Здесь было так тихо, что слышно было, как на крыше переступают лапками воробьи. Сквозь маленькое слуховое окно пробивались холодные синие лучи света, густо наполненные танцующими пылинками.

— Ого, — прошептала Анюта, оглядывая сундуки, связки старых газет и накрытую брезентом мебель. — Тут можно целый музей открыть!

Папа Сергей принялся отодвигать тяжелые ящики, а Анюта вместе с мамой Еленой занялась самой интересной частью — огромным сундуком, обитым холодным железом. В нем хранились не просто вещи, а застывшее время. Анюта достала оттуда старую школьную тетрадь своей мамы, пожелтевшую от времени, и стеклянного космонавта на прищепке — бабушкин подарок дедушке на их первый совместный праздник.

— Посмотрите! — вскрикнула Анюта, вытягивая из пыльного угла массивный предмет, замотанный в старую мешковину.

Это был старинный патефон с огромной медно-рыжей трубой.

— Бабушка хотела его выбросить еще пять лет назад, — вспомнил папа подползая ближе. — Сказала, что он только место занимает и иглы у него давно нет.

— Нет, папа, нельзя его выбрасывать! — Анюта бережно стерла пыль с граммофонной воронки. — Он такой красивый. Давай попробуем его починить? Вдруг он еще поет?

Уборка была в самом разгаре, когда во дворе раздался залиvistый свист. Анюта подбежала к маленькому окошку — внизу, переминаясь с ноги на ногу на морозе, стояли Митька, Дашка и Лёнька. Они были в пухлых пуховиках и варежках на резинках.

— Анюта-а-а! Выходи! — закричал Лёнька, размахивая санками. — Мы там на реке такую горку залили! Староста Никанор Иванович разрешил даже солому подложить, чтобы лететь дальше! Пошли, пока солнце не зашло!

Анюта посмотрела на свои испачканные пылью ладони, потом на маму, которая увлеченно сортировала старые отрезки ткани. Ей нестерпимо захотелось бросить эти сундуки и улететь на санках вниз, к друзьям, навстречу холодному ветру и брызгам снега.

— Мам, можно я пойду на часик? — с надеждой спросила она.

— Аня, — мама Елена выпрямилась и серьезно посмотрела на дочку. — Мы же договорились. Бабушка старенькая, ей тяжело всё это перебирать одной. Если мы сейчас уйдем, папа сам сундуки не сдвинет. Каникулы каникулами, а домашнее дело нужно довести до конца.

Анюта подошла к окну и приоткрыла его. Холодный воздух мгновенно ворвался внутрь, обжигая щеки.

— Ребят! — крикнула она вниз. — Я не могу сейчас. Мы на чердаке расхламляемся. Бабушке помогаю.

Митька недовольно нахмурил брови:

— Да ладно тебе, Ань! Что ты как взрослая? Чердак твой никуда не денется, а лед на солнце тает. Пошли, Лёнька вон специально твои любимые «плюшки» притащил!

— Она права, — неожиданно серьезно вставил Лёнька, шмыгнув носом. — Моя мама тоже вчера весь день заставляла меня занавески вешать. Сказала: «Новый год — новые стены». Но всё равно, Ань, жалко. Без тебя не то получится.

Конфликт назревал. Анюта чувствовала себя между двух огней: с одной стороны была ответственность перед бабушкой, которая весь год ждала этого дня, с другой — страх пропустить самое веселое веселье.

— Слушайте, — Анюта вдруг осенила идея. — А давайте вы мне поможете? Тут папе нужно тяжелый короб с книгами спустить вниз, а дедушке — помочь отнести старые доски к хрову. Если втроем навалимся — через сорок минут будем на горке!

Митька переглянулся с Лёнькой.

— Ну-у, не знаю... Работать в каникулы? — засомневался Митька.

— А я согласен! — выпалил Лёнька. — У Ани на чердаке наверняка куча тайн. Помните, как летом клад искали? Вдруг там вторая часть карты?

Ребята гурьбой поднялись на чердак. Работа зашпорилась. С помощью Лёньки и Митьки папа Сергей быстро спустил ненужные вещи во двор. Анюта же тем временем нашла коробку со старыми новогодними гирляндами, которые бабушка считала безнадежно испорченными.

— Ничего не выбрасываем, пока не проверим! — командовала Анюта. — Лёня, неси патефон. Дашка, помоги бабушке рассортировать игрушки на «целые» и «те, что нужно лечить».

Через час чердак преобразился. Пыль была изгнана, ненужное упаковано, а таинственные находки — патефон, коробка со старыми открытками и елочные шары — перекочевали в натопленную горницу. Бабушка Людмила, увидев такой активный прогресс, была в восторге.

— Ну и работники! Ну и силачи! — приговаривала она, ставя на стол тарелку с горячими пончиками. — Никанор Иванович вчера говорил, что современная молодежь только в телефонах сидит, а вы... вы у меня настоящие тимуровцы.

Когда работа была закончена, вся компания — вместе с папой Сергеем — устремилась на реку. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая снег в розовые и фиолетовые тона. Горка, залитая ребятами, была идеальной.

Анюта летела вниз, зажмурив глаза от счастья. Холодный воздух свистел в ушах, санки подпрыгивали на ледяных кочках. Рядом кричал Митька, а за ним, кувыркаясь, катился преданный Васька-кот, который, несмотря на мороз, решил проследить за своей хозяйкой до самого берега.

Запись в дневнике Анюты (вечером того же дня):

«30 декабря. Сегодня я поняла, что расхламление — это не просто выкидывание старых газет. Это как расчищать место для новых чудес. Если бы я просто убежала на горку, я бы чувствовала себя виноватой и не нашла бы патефон. А так — мы сделали дело все вместе. Митька сначала ворчал, но потом нашел на чердаке старую каску пожарного и теперь ходит в ней, воображая себя героем. Вечером мы с дедушкой пробовали завести патефон. Он издал хриплый звук, как будто долго-долго спал и проснулся. Дедушка обещал завтра принести специальное масло. Васька спит на мешковине, которой был укутан граммофон — пахнет летом и старым домом. Завтра — Новый год. Самая главная ночь».

Анюта закрыла дневник. Уборка и помощь семье принесли ей странное, спокойное удовлетворение. Она чувствовала себя не просто ребенком на каникулах, а важной частью этого старого дома в Ольховке. За окном Жулька лениво гавкнула на проезжающие сани старосты Никанора Ивановича, а в печи медленно догорали дрова, обещая теплый и спокойный сон перед великим завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.